

— С Новым годом! С Новым годом!

— Радости в Новый год!

— Всем радости! Всем нам радости!

В канун Нового года повсюду чувствовались веселье и счастье. В деревне соседи, встречаясь, непременно говорили друг другу: «С Новым годом», и даже те, кто обычно друг с другом не ладил, сегодня при встрече улыбались во весь рот.

— Лю-гэр, Чжу-гэр, идёте к семье Чжэн отбивать няньгао?

Говорил мужчина лет сорока с лишним. Он держал в руках деревянный таз, сверху накрытый грубой белой тканью, а внизу лежал целый большой таз няньгао. Семья Чжэн, о которой он говорил, жила в конце деревни, и идти туда было ещё порядочно. Во дворе семьи Чжэн стояла старая каменная ступа размером с жернов. В ней было очень удобно отбивать няньгао и цыба, поэтому каждый год на Новый год люди приходили к ним одалживать каменную ступу, чтобы делать новогодние рисовые лепёшки.

У деревенских всё было именно так: сегодня я одолжу у тебя ступу для няньгао, завтра ты одолжишь у меня вола пахать поле. Так, ходя друг к другу туда-сюда, и складывались человеческие отношения.

Когда они дошли до ворот семьи Чжэн, как раз увидели, что предыдущий человек, отбивавший няньгао, уходит. Лю Гуюй и Ло Цинчжу разминулись с ним у входа.

Люди в семье Чжэн были неплохие: сговорчивые, добрые. Старшая невестка семьи Чжэн, увидев, что во двор снова пришли люди, поспешно вышла навстречу и тепло спросила:

— Лю-гэр, Чжу-гэр, вы тоже пришли отбивать няньгао?

Лю Гуюй подошёл, наклонился и немного поиграл с малышом, который обнимал старшую невестку семьи Чжэн за ногу, и только потом сказал:

— Именно. Не знаем только, не помешаем ли?

Сказав это, он сунул молочному малышу в руки свёрток кунжутных сладостей. Ло Цинчжу следом тоже передал несколько цаоцзыгао - всё это были лакомства для детей. Ни родни, ни близкой связи между ними не было, а раз пришли одалживать вещь, с пустыми руками являться всё же неловко. Старшая невестка семьи Чжэн не отказалась. Видно, сегодня не они одни пришли с подарками, и она уже привыкла.

Женщина погладила малыша по голове и мягко сказала:

— Ну-ка, скорее поблагодари двух старших братьев.

Малыш послушно дважды сказал «спасибо», а потом, обняв лакомства, стрелой помчался в дом и закричал:

— Старший брат, вторая сестра, третий брат, младшая сестрёнка! Выходите есть вкусное!

Малыш был совсем невысокий, но бежал удивительно устойчиво и быстро, чем рассмешил женщину несколько раз. Она смеялась и одновременно звала:

— Я войду в дом, налью вам две чаши воды! Посидите немного, я позову своего мужа и младшего деверя помочь вам отбивать!

Обычно семья Чжэн только одалживала каменную ступу и не помогала силой. Но она видела, что Лю Гуюй и Ло Цинчжу оба гэры, сил у них немного, да ещё оба принесли подарки, так что, конечно, им следовало помочь.

Она сказала это и поспешно ушла на кухню. Люди изнутри ещё не вышли, зато снаружи снова кто-то пришёл. Пришедшим был Сун Цинфэн. В руке он держал железную мотыгу и стоял у ворот двора семьи Чжэн. Увидев Ло Цинчжу и Лю Гуюя, он, кажется, немного удивился, широко раскрыл глаза и спросил:

— А вы почему пришли? Тоже отбивать няньгао?

Едва его голос стих, как старший и второй сыновья семьи Чжэн, которых позвали жена и старшая невестка помочь, тоже вышли. Они с первого взгляда увидели Сун Цинфэна, стоявшего у ворот, почти такой же высокий, как сами ворота, и спросили:

— Мясник Сун пришёл вернуть вещь?

Старый дом Сун Цинфэна находился как раз рядом с семьёй Чжэн, они были соседями. После смерти отца Суна Сун Цинфэн переехал жить в город, и именно семья Чжэн первой заметила, что в доме семьи Сун больше никого нет. Недавно он вернулся в деревню и сказал соседям, что приехал встретить Новый год и почтить предков, а заодно прибраться у могилы отца. В их старом доме давно никто не жил, и внутри не осталось почти никаких вещей. Только за сегодняшний день он уже приходил одалживать немало всего: тесак для дров, бамбуковые грабли, метлу... И вот опять пришёл.

Старший Чжэн вышел навстречу, первым делом принял из рук Сун Цинфэна железную мотыгу и тепло спросил:

— Дай мне, и всё. Тебе дома ещё чего-нибудь не хватает?

Сун Цинфэн покачал головой, но нога у него шагнула вперёд, и он прямо вошёл во двор семьи Чжэн. Он посмотрел на Ло Цинчжу и снова спросил:

— Ты... ты пришёл отбивать няньгао?

Старший Чжэн:

— ???

Ло Цинчжу пришёл в себя и кивнул ему.

Сун Цинфэн поспешно сказал:

— Я помогу тебе. У меня сил много.

Сказав это, он прямо подошёл и одним движением выхватил круглый деревянный пест из рук второго Чжэна.

Второй Чжэн:

— ???

В это время старшая невестка семьи Чжэн тоже вышла с горячей водой. Выйдя, она обнаружила, что пришёл и Сун Цинфэн, и, весело улыбаясь, снова вернулась в дом налить ещё одну чашу. Сун Цинфэн без лишних слов и впрямь взял пест и начал отбивать няньгао. Он был высоким и крепким, силы у него было много, и вскоре всё было готово: няньгао вышло тягучим и мягко-клейким.

Он не счёл это хлопотным и помог отбить ещё и долю Лю Гуюя. После этой работы спина у Сун Цинфэна вспотела, вся стала влажной от пота. Но усталости он не показывал: небрежно закатил рукава, обнажив крепкие, жилистые предплечья, и прямо смотрел на Ло Цинчжу.

Сун Цинфэн спас его, а такую милость разве можно отплатить, просто отправив немного мяса и яиц да пригласив раз поесть? Сегодня Ло Цинчжу ещё и узнал, что тот один встречает Новый год в деревне, одинокий и без спутника. Не знал бы - ещё ладно, но раз уж столкнулся с ним лицом к лицу, притвориться, будто ничего не знает, было неудобно. Поэтому он уже собирался спросить, не хочет ли Сун Цинфэн прийти к ним на новогодний ужин.

Но прежде чем эти слова успели сорваться с губ, первым заговорил Сун Цинфэн:

— Тяжело? Я помогу тебе донести обратно?

Столкнувшись с почти обжигающим взглядом Сун Цинфэна, Ло Цинчжу снова проглотил уже готовые слова и лишь после двух запинок сказал:

— Спасибо. Мама приготовила жареные закуски, потом тоже возьми немного домой поесть.

Ло Цинчжу в этом году уже исполнилось двадцать четыре, он не был простодушным гэрмом, который ничего не понимает. Конечно, он видел чувство в глазах Сун Цинфэна. Но именно потому, что видел, он больше не решался оставить Сун Цинфэна на ужин, боясь, что тот неправильно поймёт. Он только недавно развёлся и сейчас правда не имел душевных сил думать об этом.

По сравнению с Ло Цинчжу, Сун Цинфэн был словно неотёсанный юнец, впервые познавший любовь. Чувства в его сердце были похожи на жаровню с ярко разгоревшимися углями, а Ло Цинчжу сидел рядом с этой жаровней - как он мог не почувствовать тепло?

Хотя, в сущности, это было не впервые. Сун Цинфэну Ло Цинчжу нравился уже не день и не два.

Сун Цинфэн не родился с высоким телом и крепкими мышцами. Как раз наоборот: в детстве он был худым и маленьким, его часто обижали деревенские ровесники, а Ло Цинчжу помогал ему, давал сладости и гладил по голове, утешая. Тогда он был ещё мал и ничего в этом не понимал, но в сердце уже относился к Ло Цинчжу совсем не так, как к другим. Сказать по правде, жалкая вышла история. Он был младше Ло Цинчжу на четыре года. В юности он ещё смутно ничего не понимал и не разбирался в любви, а когда наконец с трудом осознал свои чувства и понял их вкус, Ло Цинчжу уже вышел замуж.

А если посмотреть на Лю Гуюя, тот нёс уже отбитый няньгао, шёл за Ло Цинчжу и улыбался до невозможности ехидно. Ай-я-я, почему же никто не поможет мне нести, мои руки тоже очень устали! Он мысленно кричал всякие странности.

Но всё же Ло Цинчжу почувствовал, что идти рядом с Сун Цинфэном как-то странно, поэтому замедлил шаг, отступил к Лю Гуюю и протянул к нему руку.

— Лю-гэр, я помогу тебе.

Няньгао на четверых - насколько тяжёлым оно могло быть? Лю Гуюй, который только что притворялся и строил из себя страдальца, поспешно замахал рукой и торопливо выкрикнул:

— Не надо, не надо!

Ло Цинчжу не стал настаивать и пошёл рядом с Лю Гуюем. Сун Цинфэн шёл впереди. Ему

было неловко оборачиваться, и чем дальше он шёл, тем сильнее деревенела половина его тела. А потом Ло Цинчжу собственными глазами увидел, как он начал идти, одновременно вынося вперёд одну и ту же руку и ногу.

Ло Цинчжу:

— ...

Вернувшись домой, они увидели, что над крышей кухни уже поднимается дым: это Цуй Ланьфан начала готовить новогодний ужин. Лю Гуюй вошёл во двор с няньгао, и Цинь Жунши вышел ему навстречу из дома, заодно приняв из его рук вещи.

— Что там тушится? Как вкусно пахнет! — спросил Лю Гуюй.

Цинь Жунши коротко ответил:

— Суп из копчёных рёбер.

Цинь Баньбань тоже выбежала и рассказала подробнее:

— Это копчёные рёбрышки, тушёные с сушёной редькой, ещё туда положили сушёные бамбуковые побеги, так ароматно!

Сушёная редька - это редька, высушенная на ветру; на вкус она чуть сладковатая, и с мясом тушить её вкуснее всего.

Лю Гуюй кивнул, вошёл в дом, повязал передник и принялся хлопотать. Домочадцев было немного, но за весь год только один раз едят такой новогодний ужин, так что подготовить его всё равно следовало как следует.

Нарезая тыкву, он позвал:

— Эрлан, зарежь рыбу, что держим в чане... Баньбань, сходи за дом в огород, сорви мне горсть чесночных ростков, потом пожарим с ними свиную голову.

Брат с сестрой оба откликнулись и каждый вышел по своему делу. Цинь Жунши, маленький учёный книжник с утончённым видом, похожий на старомодного зануду, который только и умеет твердить книжные слова, в это время закатал рукава, присел у сточной канавы и стал чистить рыбу. Снимал чешую, вспарывал брюхо, работал ножом решительно и ловко, и руки, привыкшие держать книги, покрылись кровью и рыбным запахом.

Цинь Баньбань взяла маленькую корзинку и вприпрыжку обогнула дом, направившись в огород за задним двором. Пока она прыгала, то потихоньку достала из кошелька засахаренное семя лотоса, сунула в рот и стала облизывать, отчего щёчка у неё слегка округлилась.

Нарезанную тыкву поставили в котёл вариться на пару, и Лю Гуюй, пользуясь этим временем, снова замесил тесто. Он собирался сделать тыквенные лепёшки - вроде сладкой закуски к столу; и Эрлан, и Баньбань любили сладкое.

Вся семья готовила вместе, шумно и свободно. В доме плыл аромат еды, время понемногу текло, а солнце за окном постепенно клонилось к западу.

— Скорее расступитесь! Расступитесь! Осторожно, горячо!

Лю Гуюй держал в руках большую тарелку с рыбой на пару, от которой ещё поднимался пар. Каждый год должен быть с рыбой, и на новогоднем столе, конечно, не могло не быть рыбного блюда! Большую рыбу разрезали со стороны брюха и веером разложили на тарелке, натёрли двумя горстями крупной соли и приготовили на пару. Мясо у неё было снежно-белым и нежным; сверху уложили завитки бело-зелёного лука, мелко нарезанные ароматные грибы, полили соусом и раскалённым маслом - вкус вышел свежим и насыщенным.

Кроме того, на столе стояли жареные няньгао, суп из копчёных рёбер, свиная голова, жареная с чесночными ростками, лувэй с потрохами, тарелка колбасы, блестящей красным маслом, тофу с хрустящей корочкой, жареная капуста, суп из сушёных овощей с разными бобами...

Пока они ели, снаружи уже доносился треск - это дети играли с хлопушками.

— А как приправлял это тушеное блюдо? На вкус и правда хорош! — Цуй Ланьфан съела кусочек лувэй из потрохов, глаза у неё даже засветились, и она похвалила блюдо.

Цинь Баньбань тоже охотно поддержала, часто закивала и сказала:

— Если такое продавать в городе, точно можно заработать! И свиные потроха ведь дешёвые!

— Свиные потроха дешёвые, но приправы для соусаа очень дорогие. Если поставить цену высоко - никто не купит, если низко - легко уйти в убыток.

Последние слова сказал Цинь Жунши. Он вместе с Лю Гуюем после торговли ходил покупать приправы, и многие из них были нечасто используемыми пряностями, цена у них была совсем не дешёвая.

Лю Гуюй тоже кивнул:

— Эрлан прав.

Вся семья закончила ужин, прибрала вещи и отправилась поклониться могилам. Цуй Ланьфан сложила еду: няньгао, рис, большую чашку свиной головы и копчёных рёбер - и осторожно уложила всё в корзину. Лю Гуюй тоже нёс корзину, внутри были благовония, свечи и бумажные деньги.

Могилы отца Циня и Цинь-далана находились в маленькой ложбине на холме за домом. На вид было недалеко, но, чтобы подняться туда, приходилось делать крюк. Небо уже потемнело, но сегодня была новогодняя ночь, и деревенские ложились поздно. В каждом дворе развели костёр, люди щёлкали семечки и болтали, дети носились по дворам, играли или бросали в огонь хлопающий бамбук.

Этот «хлопающий бамбук» и был хлопущкой в прямом смысле: отрезки бамбука бросали в огонь и слушали, как они с треском лопаются.

В Даюн тоже был порох, но делать такие вещи было хлопотно, да и стоили они дорого, поэтому только дети из богатых семей могли на Новый год поиграть с петардами, а фейерверки можно было увидеть лишь в столице или в богатых областных городах.

Добравшись до могил, Цуй Ланьфан опустилась на колени и села на землю, доставая из корзины еду одну за другой. Она раскладывала всё и говорила, а если присмотреться, можно было увидеть, как в её глазах дрожит влага.

— В этом году мы отбили няньгао, ещё сделали вяленое мясо. Ваш отец со старшим сыном тоже смогут поесть чего-нибудь хорошего.

Могильные таблички были сделаны из деревянных досок. По сравнению с табличкой отца Циня, табличка Цинь-далана была ещё совсем новой, на ней были вырезаны иероглифы.

Лучше всех в семье писал Цинь Жунши, поэтому и таблички отца, и старшего брата вырезал он. Но резать иероглифы и писать их - всё-таки не одно и то же: это требовало силы и умения. Иероглифы на деревянных табличках нельзя было назвать особенно красивыми, но они были аккуратными.

Цуй Ланьфан погладила могильную табличку Цинь-далана и, давась слезами, сказала:

— Не знаю, хорошо ли далану было в военном лагере, мог ли он есть мясо, и когда же...

— Ай. Тогда я только и знала, что горевать. Когда приходил его сослуживец, надо было расспросить побольше о том, как далан жил в лагере. Он столько лет был вдали, и я даже не знаю, каким он вырос.

Она бормотала без конца - то ли говорила с Лю Гуюем и остальными, то ли разговаривала сама с собой; голос был таким тихим, что его мог унести один порыв ветра.

Лю Гуюй и двое других молчали. Он не жил рядом ни с отцом Цинем, ни с Цинь-даланом, и глубоких чувств к ним, конечно, не имел. Сейчас он стоял здесь на коленях лишь из уважения к умершим. Цинь Жунши и Цинь Баньбань, наоборот, горевали. У эрлана мысли были скрытными, и по лицу можно было заметить только подавленность. Баньбань была куда прямее: она уже всхлипывала и вытирала слёзы, так что вскоре весь рукав намок.

Цинь Жунши ничего не говорил. Он только стоял на коленях перед могилами и неподвижно смотрел на две могилы - новую и старую. Никто не знал, о чём он думал.

В Новый год Лю Гуюй не мог позволить матери с дочерью продолжать плакать перед могилами. Он и неловкости в этом не чувствовал, поэтому прямо и ясно позвал:

— Отец, далан, теперь наша семья живёт лучше! Вы посмотрите: и овощи есть, и мясо. В следующем году тоже так будем жить, так что вы оба не тревожьтесь!

После того как он вставил эти слова, Цуй Ланьфан тоже вытерла слёзы и следом улыбнулась:

— Верно-верно... Ваш отец любил выпить. В следующем году, если будет возможность, ещё согреем ему кувшин вина.

Атмосфера сразу стала гораздо легче. Цуй Ланьфан сидела на коленях на земле и рассказывала мужу со старшим сыном о том, что произошло в последнее время.

Она говорила, что Лю Гуюй способный, что привёл всю семью к хорошей жизни, что эрлан и Баньбань тоже стали разумными, что в будущем у обоих будут большие достижения, так что пусть они там, внизу, не тревожатся...

У подножия горы хлопающий бамбук гремел так, что шум стоял до небес. Доносились голоса деревенских, которые болтали между собой, смех и игры детей; в каждом доме ярко горели огни, и, стоя на горе, можно было увидеть, как в каждом дворе отблески костров окрашивают стены в красный цвет.

<http://bllate.org/book/17177/1704393>